

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. А. Л. Усанова

г. Барнаул, Россия

© 2020 г. С. М. Будкеев

г. Барнаул, Россия

КРАСНЫЙ УГОЛ: СМЫСЛОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ГОРОДСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Аннотация: В начале 90-х гг. XX в. возвращение религиозного сознания обусловило интерес к религиозной культуре и нормам поведения. Появление икон и святых образов в интерьере нередко сопровождалось нарушением этических норм при их размещении. Анализ репрезентативного пространства в отечественном городском интерьере первой половины XX в. в контексте исторических процессов позволяет определить его художественное значение и выявить смысловые трансформации понятий «красный угол», «красный уголок». В патриархальной традиции домашний иконостас, располагаясь в так называемом красном углу (противоположной от входа части дома), является центром во всех смыслах: в сакральном, ритуальном, и художественно — эстетическом. Изменения жизненного уклада, традиций и условий бытования городских обывателей (мещанское сословие, городские крестьяне) в конце XIX – начале XX столетий связаны с экономическими и политическими событиями в стране. Приток населения в города обострил жилищный вопрос и обусловил распространение новых форм массового городского жилья: доходные дома, рабочие общежития, промышленная революция определила размывание сословных границ в оформлении интерьера, предметного наполнения и пространственной ориентации репрезентативной части жилища. Советская власть в ходе антирелигиозной кампании массово изгоняла образы святых из видимого пространства частного жилища, но, используя сакральную сущность и нравственное значение места расположения святынь, производит манипуляции по подмене смыслов: «красные уголки» неременный атрибут административных и общественных интерьеров, общежитий. Словосочетание «красный угол» наполняется новым идеологическим смыслом, но значение данного мемориального пространства по-прежнему нравственное и духовное воспитание. С середины 1930-х гг., с началом массового жилищного строительства, стимулированием государством потребительского спроса начинают формироваться художественно-бытовые традиции в интерьере советского типового жилища. Пространственная организация жилища нового горожанина мало отличалось от интерьера крестьянской избы. Видимая (парадная) часть интерьера (передний угол), по-прежнему

являлся смысловым центром жилища, выполняя представительские функции. Однако предметный комплекс (этажерка с книгами, радиоточка, репродукции картин и др.) располагаемый в зоне видимого пространства начинает демонстрировать уровень культурных притязаний жильца, а художественное оформление (кружевные и вышитые салфетки) подчеркивает усиление его престижно-статусного значения для интерьера жилища. Таким образом, ретроспективный анализ смыслового наполнения понятия «красный угол», его исторического и художественного контекста, позволяет говорить о том, что предметно-пространственная организация жилища не только отражает представление человека о мироустройстве, но является зримым индикатором духовно-нравственных, идеологических и культурных трансформаций в обществе.

Ключевые слова: красный угол, жилище, советский городской интерьер.

Информация об авторах:

Алла Леонидовна Усанова — доктор искусствоведения, профессор, Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, д. 66, 656049 г. Барнаул, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4815-2658>. E-mail: alla_leo@mail.ru

Сергей Михайлович Будкеев — доктор искусствоведения, профессор, Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, д. 66, 656049 г. Барнаул, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8948-1696>. E-mail: lwlm@yandex.ru

Дата отправки статьи: 28.11.2019

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Усанова А. Л., Будкеев С. М. Красный угол: смысловые интерпретации в городском интерьере первой половины XX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 278–288. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-278-288>

Следствием исторических процессов прошедшего столетия явились изменение многовекового уклада жизни, разрушение ряда художественно-бытовых традиций и формирование новых, соответствующих веяниям времени. Однако во все времена система предметно-пространственной организации жилища, отражала образное представление о мироустройстве и культурно-эстетические принципы человека.

Представляется важным в контексте историко-культурных процессов выявить и определить смысловые изменения репрезентативного пространства в городском жилом интерьере первой половины XX в. Для того чтобы обозначить систему координат, следует определиться с трактовкой понятий красный угол, красный уголок, уточнить понятийные границы и социально-качественные характеристики городского жилища рассматриваемого периода.

Красный (от древнерусского «красивый») угол в традиционном крестьянском жилище — так называлось место, где располагался домашний иконостас. Имея множество синонимичных названий («божница», «передний»), красный угол являлся не только воплощением горнего мира, но самым почетным местом в доме [1, с. 37] Красный уголок, по определению современной гуманитарной науки, являлся советским аналогом красного угла и представлял собой выделенное и художественно оформленное место, в помещении предназначенное для идейно-воспитательного воздействия. Первоначально появились в 1921 г. в казарменных спальнях частей Красной армии, впоследствии по решению 13-го съезда РКП(б) красные уголки стали обязательным элементом интерье-

ра учреждений, производственных (мастерские, заводские, фабричные цеха) и жилых (общежития, многоквартирные дома) помещений. [2, с. 472]. Таким образом, понятия «красный угол», «красный уголок» в широком смысле подразумевают наличие репрезентативного пространства в интерьере.

В трудах отечественных историков, социологов, публицистов, посвященных истории российского города в социальной структуре не только метрополий, но и провинциальных, уездных городов на рубеже XIX–XX вв. наряду с основным мещанским сословием, значительную прослойку городского населения составляли крестьяне [3, с. 23; 4, с. 107]. Городское крестьянство, селясь на окраинах, в основном сохраняло традиционный сельский уклад жизни — держали скот, пахали огороды и промышленляли ремеслами. В советский период особенно в ранний, по оценкам урбанистов, в социальном происхождении основной массы горожан, также обнаруживаются крестьянские корни в первом, максимум во втором поколении [5, с. 94]. Интегрируясь в городской социум, выходцы из крестьян осваивают специальности и профессии, не связанные с сельскохозяйственным трудом. Жилища, устройство интерьера и художественно-эстетические установки данных категории городского населения в контексте нашего исследования представляют особый интерес.

К началу XX в. в жилищах городских обывателей — мещан, ремесленников, мелких торговцев — произошли существенные изменения. Промышленный переворот и набиравшая обороты индустрия быта обусловили размывание межсословных границ в оформлении интерьера: стилистическая ориентация, предметный комплекс, степень комфортности жилища определялись не столько сословной принадлежностью человека, сколько его финансовым состоянием и эстетическими представлениями. Кроме того, внимание к художественным вкусам крестьянства начала XX в., на наш взгляд, представляется важным, большое количество представителей крестьянского сословия в городах, их ментальность, бытовая, народная культура влияли на развитие всех культурных процессов, происходивших в городах в этот период. К середине столетия выходцы из крестьянской среды составляли основную часть городского населения, нередко влияя и на художественную политику.

Увеличение численности городского населения во второй половине XIX – начале XX вв. обусловила появление в архитектуре и быте русских городов доходных домов и практики наемного жилья. По замечаниям исследователей, понятие «жилой дом» уже не так часто совпадало с понятием «жилище семьи», в это время существенное значение приобретает понятие «квартира» [6, с. 197]. Значительная часть горожан проживала с квартирантами либо полностью сдавала дома в наем. Занимаемая площадь зависела от платежеспособности нанимателя: дом, отдельная квартира из нескольких комнат, комната или часть комнаты — угол [5, с. 97].

В обустройстве жилища состоятельные горожане и обыватели среднего достатка ориентировались на статусные интерьеры высоких сословий, адаптируя их соответственно собственным возможностям, вкусам и моде. Доступная буржуазность модерна на рубеже XIX–XX вв. сформировала в массовом сознании эстетическую значимость обладания предметами более высокого социального статуса. В купеческих, зажиточных мещанских домах роль репрезентативного пространства выполняли гостиные, обставленные лучшей мебелью и знаковыми предметами быта, утварью, декорированные тканями и коврами (рисунок 1).

Рисунок 1 – Кустодиев Б. М. Гостиная.

Эскиз декорации в пьесе Н. Островского нач. XX в. © ГМИ СПб

Figure 1 – Kustodiev B. M. Living-room.

A sketch of scenery in the play by N. Ostrovsky of the early XX c. © GMI SPb

Из описаний современником гостиной зажиточного горожанина: «А если попасть в дом сургутского богача, то и не подумаешь, что находишься в Сибири: изящные гардины, мягкие ковры, блестящая мебель, золоченые висячие и стоячие лампы, подсвечники и бра...» [7, с. 20]. Однако большинство обывательских гостиных представляли собой эклектичное соединение в одном пространстве изящной мебели с кустарной и самодельной, крестьянской кухонной утвари с фарфоровой посудой, дмотканых половиков и фабричных изделий. «Сочетание традиционных устоев и новомодных веяний нашло свое отражение в убранстве гостиной. Старая мебель и посуда, гитара и граммофон, часы и похвальные грамоты — все слилось воедино, безо всякого внимания к стилю» [8, с. 43]. Киоты, иконостасы, семейные реликвии перемещались в более интимные помещения — будуары, спальни, кабинеты, либо в отдельные комнаты. Интерьер и принцип оформления традиционной комнаты для молитв в домах горожан высоких сословий конца XIX в. описывает историк, исследователь русской культуры и быта И. Е. Забелин: «Крестовая, или Моленная, где совершались утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы, часы, вечерни, всенощные, была, как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления...» [9, с. 134].

Трансформации в обустройстве представительной части жилища явились отражением общественных настроений в целом: демонстрация достатка, просвещенности и культурных притязаний хозяина равнозначна по важности (а в некоторых кругах важ-

нее) демонстрации религиозности и конфессиональной принадлежности. Таким образом, в начале XX в. светский характер предметного комплекса репрезентативного пространства в зажиточных домах, жилищах горожан среднего достатка свидетельствует о формировании его *исключительно престижно-статусного значения*.

Интенсивное экономическое развитие в начале XX в. вносило качественные изменения в социальный облик российских городов, оставаясь по-прежнему средоточием дворянства и чиновничества, город являлся уже многоликим сообществом работников самых разных профессий, в большинстве своем крестьян по происхождению. Доходы и финансовое положение городского крестьянства были недостаточными. Промышляющие мелким ремеслом, наемные работники или «самозанятые» в большинстве своем селились в нанимаемом жилище, сдавая углы в поднаем для дополнительного дохода. По свидетельствам современников, «Комнаты сдавали почти все, у кого в семье были свободные руки. Из почти пяти тысяч обследованных в 1907 г. типографских рабочих лишь пятая часть имела возможность нанимать целую квартиру, и лишь 1/20 не брали к себе квартирантов» [10, с. 17]. В менее стесненных условиях проживали квалифицированные рабочие в крупных городах либо переселенцы, занимающиеся сельскохозяйственным трудом и обживающие городские окраины в небольших городах. По выражению В. Вагина, «Мелкие города и в начале XX века оставались большими деревнями, однако приобщение людей к новым городским ценностям шло еще медленнее, чем рост городов» [11, с. 61]. Пространственная система и в городском жилище крестьянина естественным образом ориентирована на патриархальные традиции, где домашний иконостас располагался в так называемом красном углу в противоположной от входа части. Такой порядок сохранялся и в съемных комнатах (рисунок 2). На фотографии семьи в интерьере наемного жилища хорошо оплачиваемого рабочего глава семейства расположился по крестьянской традиции на почетном месте, под образами. Представляется важным, основываясь на описаниях традиционного крестьянского жилища, определить смысловое значение красного угла — репрезентативной части интерьера. Исследователь народной культуры и быта восточных славян А. Байбурин писал: «В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, образа, библия, молитвенные книги, крест, свечи, и позже и фотографии умерших членов семьи» [12, с. 150]. Внимание человека, вошедшего в дом, первым делом обращается на его символический центр — красный угол. Соответственно, оформляется эта часть дома не только в расчете на «своих» (его жителей), но и для пришедших со стороны, гостей. Следовательно, красный угол можно рассматривать как реплику, намеренно создаваемый (т. е. художественный) текст, направленный на посетителя и изначально задуманный в расчете на внешнее восприятие. Его декорированию уделялось особое внимание, наряду с иконостасом, традиционно украшенным, художественно-эстетическое отношение распространялось на весь предметный ряд, расположенный в данном пространстве. «В красном углу кроме божницы находился стол. Его убирали вышитыми полотенцами, лубочными картинками, открытками, а также нередко обклеивали <обоями> или выделяли из остального пространства избы» [13, с. 31–32]. Красный угол — место молитвы и расположения священных предметов, занимая угловое пространство, по сути, является центром дома во всех смыслах: сакральном, ритуальном, и художественно — эстетическом. Его основное значение и ключевая функция быть *духовно-нравственным камертоном* в пространстве обыденности.

Рисунок 2 – Комната в квартире рабочей семьи. Фото нач. XX в.
Figure 2 – A room in the apartment of a working family. Photo of the early 20th c.

Изменения жизненного уклада, традиций и условий бытования городского населения в советский период связаны с экономическими, политическими событиями в стране и ознаменованы управленческой политикой новой власти и форсированием ситуации в социально-культурной сфере. С 1917–1918 гг., в результате отмены сословий и права частной собственности на недвижимость в городах, экспроприированные дома, квартиры (нередко целиком с мебелью, домашней утварью) заселялись выдвигенцами из партийной, рабочей среды недавними выходцами из городских окраин, а позднее крестьянами, массово бегущими в города от голода и репрессий. Жилищная политика, ориентированная на «уплотнение», способствовала тому, что носители различных типов культур — городской, крестьянской, национальной — оказывались в одинаково непривычных, а нередко и неблагоприятных условиях. В 1920-х гг. борьба с мещанским образом жизни и мысли, установки на обобществленный быт с высоких трибун осуждали и нивелировали прежние ценности. Активная антирелигиозная кампания не только разоряла храмы, но и изгоняла образы святых из интерьера.

С 1930-х гг. в советской градостроительной практике формируется социально-качественная дифференциация городского жилища. Начало типового капитального строительства в целом не меняет соотношения сегментов номенклатурного (партийное, военное руководство, техническая, творческая интеллигенция) и массового жилья для большинства горожан.

Массовое городское жилище разнилось по форме проживания: койко-место в общежитии и условно изолированное пространство (комната) в коммунальной квартире, бараке для семьи. Индустриализация, обеспечившая беспрецедентный приток крестьян в города, обострила жилищные проблемы, актуализировала вопросы социализации и идеологического воспитания сельской молодежи [14, с. 157]. Ускоренное барачное строительство, особенно в будущих промышленных центрах, частично решало

проблему, казарменный быт рабочих общежитий не предполагал частного пространства, но облегчал процесс коллективного просвещения и идеологического воспитания, в том числе средствами наглядной агитации и пропаганды. Новая власть, используя сакральную сущность и нравственное значение красного угла — места расположения святынь, — производит манипуляции по подмене смыслов. Символическое и смысловое значение предметного ряда красного уголка по составу мало отличалось от вещевого комплекса традиционного иконостаса. В убранстве красных уголков активно использовалась советская атрибутика и геральдика: звезды, колосья, книги основоположников марксизма-ленинизма, композиции из красных полотнищ и т. д. (рисунок 3).

Рисунок 3 – Дом крестьянина. Красный уголок. Галич. Фото нач. 1920-х гг.
Figure 3 – A peasant's house. Red corner. Galich. Photo of the early 1920s

Красные уголки — неременный атрибут не только рабочих общежитий — распространённой формы городского жилья в советский период, но и административных, производственных и общественных интерьеров. Портреты императора, членов императорской семьи в присутственных местах сменили портреты советских вождей. В ареале нового иконостаса — теоретики и проводники коммунистической идеи, революционеры. Функция мемориального пантеона — *по-прежнему нравственное и духовное воспитание*, однако значение данного репрезентативного пространства наполняется новым идеологическим смыслом.

Формирование частного интерьера советского городского жилища и художественно-бытовых традиций обусловлено началом массового жилищного строительства и расширением практики по комнатно-посемейному расселению с 1930-х гг. Комната являлась многофункциональным пространством для всей семьи. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в интерьерах рабочих главенствовали сундуки, чемоданы и табуреты,

что являлось свидетельством не столько мебельного дефицита, сколько тектонического сдвига людских масс. Во второй половине 1930-х гг. стимулирование государством потребительского спроса вводит в интерьер горожанина этажерки, комоды, гардеробы, абажуры, жардиньерки и т. д. Реабилитация знаковых предметов мебели, элементов убранства интерьера, ранее порицаемых как проявление мещанства (в негативной коннотации понятия) и буржуазности, в сознании новых горожан воспринималась как материальное воплощение наступившей лучшей жизни и социальной справедливости. Установка конструктивизма на «новый быт» оказалась элитарной и утопичной не только по причине слабости промышленного освоения, но и в силу несоответствия художественным вкусам городских обывателей (носителей крестьянской культуры).

Несмотря на то что предметный комплекс был вариативен в качественном и художественно-эстетическом отношении, пространственная организация жилища нового горожанина мало отличалось от интерьера крестьянской избы. В красном углу размещалась этажерка, декорированная кружевными и вышитыми салфетками с книгами, вазами с крашеным ковылем и дорогами для жильцов вещами, с 1930-х гг. — радиоточка, как символ культуры нового времени. В верхнем ярусе угла развешивались и портреты умерших родственников в соседстве с портретами советских вождей (в военное, послевоенное время вернулись иконы, религиозные реликвии). Вынужденное объединение функций в едином пространстве обуславливало доминирующую роль кровати в полном убранстве. В отличие от фотографий умерших, размещаемых в районе красного угла, фотопортреты хозяев, как правило, располагали над кроватью. Зеркало (традиционной крестьянской формы) висело в углу либо в межконном простенке над столом или комодом, где расставляли негабаритные предметы декоративного назначения и домашнего обихода. Несмотря на светский смысл предметного комплекса в красном углу, сохранялась традиция и принцип его декорирования. Рамы с фотографиями (коллажи из небольших фотографий в одной раме, позднее увеличенные и ретушированные фотопортреты), зеркала, парадные горизонтальные поверхности обрамлялись рушниками либо другими вышитыми и кружевными изделиями. Видимая (парадная) часть интерьера (передний угол) по-прежнему являлась смысловым, композиционным центром жилища, выполняя представительские функции, а художественное оформление подчеркивало его *престижно-статусное значение* для интерьера.

Художественно-бытовые традиции — сумма селективных приемов эстетического осмысления и художественно-образного освоения жилого пространства. Смысловые трансформации репрезентативного пространства в интерьере городских обывателей первой половины XX в. наглядно демонстрируют, что предметная среда формально-художественный медиатор между эстетическими и социокультурными установками общества и индивида. А объективное изучение художественных сторон городской повседневности точка пересечения исследовательских взглядов различных отраслей искусствознания; исторической науки и социогуманитарных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Тип. Академии наук, М. И. Михельсон, 1912. Т. 2: Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. 1148 с.
- 2 Российский гуманитарный энциклопедический словарь. М.: Гуманитарный издат. Центр ВЛАДОС: Филологический факультет СПбГУ, 2002. Т. 2. 720 с.

- 3 Гончаров Ю. М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 348 с.
- 4 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 574 с.
- 5 Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977. 360 с.
- 6 Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х гг. М.: Искусство, 1982. 399 с.
- 7 Путевые записки К. Ф. Карьялайнена // Югра. 1996. № 3. С. 20–21.
- 8 Киселев И. Картины, душники, сонетки. Общая типология и закономерности оформления стен в интерьере XIX в. // Мир музея. 1993. № 2. С. 42–44.
- 9 Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд. Сабашниковых, 2001. 384 с.
- 10 Свавицкий Н., Шер В. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве (по данным анкеты, произведенной О-вом рабочих графических искусств в 1907 году). СПб.: РТО, Типо-литография Шредера, 1909. 53 с.
- 11 Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.
- 12 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- 13 Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 1999. 416 с.
- 14 Алексеева-Бескина Т. И. Социогеном в социокультурной динамике города. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. 156 с.

© 2020. Alla L. Usanova
Barnaul, Russia

© 2020. Sergey M. Budkeev
Barnaul, Russia

**“RED CORNER”: SEMANTIC INTERPRETATIONS
IN THE URBAN INTERIOR OF THE FIRST HALF
OF THE 20TH CENTURY**

Abstract: In the early 1990s, the return of religious consciousness led to a revival of interest in religious culture and norms of behavior. The appearance of icons and holy images in the interior was often accompanied by a violation of ethical standards at their placement. Analysis of a representative space in the domestic urban interior of the first half of the twentieth century in the context of historical processes allows us to determine its artistic significance and to reveal semantic transformations of the concepts “red corner” and “place of honor”. According to patriarchal tradition, home iconostasis, located in the so-called “red” corner (opposite to the entrance of the house), is the center in all respects: sacred, ritual, and artistic — aesthetic. Changes in the way of life, traditions and conditions of urban inhabitants (middle class, urban peasants) in the late nineteenth and early twentieth centuries are associated with economic and political events in the

country. The influx of population into the cities aggravated the housing problem and caused the spread of new forms of mass urban housing: tenement houses, workers' dormitories, while industrial revolution contributed to the erosion of estate boundaries in interior design, subject filling and spatial orientation of dwelling's representative part. During the anti-religious campaign, the Soviet government massively banished the images of saints from the visible space of a private dwelling, yet, making use of the sacred essence and moral significance of the shrines location, it produced manipulations for changing the meaning: "red corners" are an indispensable attribute of administrative and public interiors and hostels. The phrase "red corner" is filled with a new ideological meaning, whereas the meaning of this memorial space remains its moral and spiritual education connotations. Since the mid-1930s, with the beginning of mass housing construction, stimulation of consumer demand by the state began to shape artistic and everyday traditions in the interior of the Soviet standard dwelling. Spatial organization of the new townsman's dwelling differed little from interiors of the peasant hut. A visible (front) part of the interior (the front corner), still acted as a semantic center of the dwelling, performing representative functions. However, the object complex (bookcase with books, radiotracks, reproductions of paintings, etc.) located in the visible area begins to represent the level of tenant's cultural claims, while the decoration (lace and embroidered napkins) emphasizes strengthening of its prestigious status for the dwelling's interior. Thus, a retrospective analysis of semantic content of the concept of "red corner", including its historical and artistic context, allows us concluding that the subject-spatial organization of the dwelling not only reflects the person's idea of the world, but serves as a visible indicator of spiritual, moral, ideological and cultural transformations of society.

Keywords: place of honor, dwelling, Soviet city interior.

Information about authors:

Alla L. Usanova — DSc in Arts, Associate Professor, Altai State University, Dimitrova St., 66, 656049 Barnaul, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4815-2658>. E-mail: alla_leo@mail.ru

Sergei M. Budkeev — DSc in Arts, Associate Professor, Altai State University, Dimitrova St., 66, 656049 Barnaul, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8948-1696>. E-mail: lwlm@yandex.ru

Received: November 27, 2019

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Usanova A. L., Budkeev S. M. "Red corner": semantic interpretations in the urban interior of the first half of the 20th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 278–288. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-278-288>

REFERENCES

- 1 *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii* [Russian thought and speech. One's own and someone else's. Experience of Russian phraseology]. St. Petersburg, Tipografia Akademii nauk, M. I. Mikhel'son, 1912. Vol. 2. 1148 p. (In Russian)
- 2 *Rossiiskii gumanitarnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Russian humanitarian encyclopedia]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii Tsentr VLADOS: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2002. Vol. 2. 720 p. (In Russian)

- 3 *Goncharov Iu. M. Ocherki povsednevnoi zhizni gorozhan Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Essays on everyday life of Siberian citizens in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul, Izdatel'stvo AltGU Publ., 2014. 348 p. (In Russian)
- 4 *Ivanova N. A., Zheltova V. P. Soslovno-klassovaia struktura Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Class structure of Russia in the late 19th – early 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 574 p. (In Russian)
- 5 *Anokhina L. A., Shmeleva M. N. Byt gorodskogo naseleniia srednei polosy RSFSR v proshlom i nastoiashchem. Na primere gorodov Kaluga, Elets, Efremov* [Life of the urban population of the middle zone of the RSFSR in the past and present. On the example of the cities of Kaluga, Yelets, Efremov]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 360 p. (In Russian)
- 6 *Kirichenko E. I. Russkaia arkhitektura 1830–1910-kh gg.* [Russian architecture of the 1830–1910s]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 399 p. (In Russian)
- 7 *Putevye zapiski K. F. Kar'ialainena* [Travel notes of K. F. Karjalainen]. *Iugra*, 1996, no 3, pp. 20–21. (In Russian)
- 8 *Kiselev I. Kartiny, dushniki, sonetki. Obshchaia tipologiia i zakonomernosti oformleniia sten v inter'ere XIX v.* [Paintings, dushniki, sonnets. General typology and patterns of wall design in the interior of the 19th century]. *Mir muzeia*, 1993, no 2, pp. 42–44. (In Russian)
- 9 *Zabelin I. E. Dnevniky. Zapisnye knizhki* [Diaries. Notebooks]. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovyykh Publ., 2001. 384 p. (In Russian)
- 10 *Svavitskii N., Sher V. Ocherk polozheniia rabochikh pechatnogo dela v Moskve (po dannym ankety, proizvedennoi O-vom rabochikh graficheskikh iskusstv v 1907 godu)* [An essay on the situation of printing workers in Moscow (according to a questionnaire issued by the graphic arts workers' Union in 1907)]. St. Petersburg, RTO, Tipolitografiia Shredera Publ., 1909. 53 p. (In Russian)
- 11 *Vagin V. V. Russkii provintsial'nyi gorod: kliuchevye elementy zhizneustroistva* [Russian provincial city: key elements of life]. *Mir Rossii*, 1997, no 4, pp. 53–88. (In Russian)
- 12 *Baiburin A. K. Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [Housing in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 188 p. (In Russian)
- 13 *Russkaia izba. Illiustrirovannaia entsiklopediia* [Russian hut. The illustrated encyclopedia]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 416 p. (In Russian)
- 14 *Alekseeva-Beskina T. I. Sotsiogenom v sotsiokul'turnoi dinamiki goroda. Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov. Teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki* [Socio-genome in the socio-cultural dynamics of the city. The city in the process of historical transitions. Theoretical aspects and socio-cultural characteristics]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 156 p. (In Russian)